

Марина Александрова

*А мы
до невесомости
крылаты...*

Девочка Грусть

Марина Александрова
А мы до невесомости
крылаты... Девочка Грусть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745830

ISBN 9785449024336

Аннотация

Мне крылья даны для того, чтобы покорять небесную высь, птенцы – чтобы вить гнёзда, а стихи... Стихи – это полёт моих мыслей и чувств. Я живу там, где небо целует землю, где над морем бродит ветер. Там, где птицы...

Содержание

мне и мир без тебя...	8
Закрываю глаза и шепчу...	9
Так или иначе...	11
Мы молимся иконам и ночам	13
Я всем скажу...	15
Осени...	17
А ночь сомкнёт усталые глаза	18
Не изменяй	19
мы спасены	21
Целую твою ладонь	23
К чёрту Париж...	25
Я не нарочно	27
В единственном слове...	29
Крылья	30
Слёзы богов	31
Не оставляй меня здесь...	32
В любовь не веришь...	34
Сгорит июнь...	36
Если есть ад...	38
Зима нас приказала брать живьём	39
моя Москва и твой Берлин	41
А небо было моей плацентой...	43
Всего лишь сон	45

**А мы до невесомости
крылаты...
Девочка Грусть**

Марина Александрова

© Марина Александрова, 2018

ISBN 978-5-4490-2433-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка Грусть

Люди птиц из клеток выпускали, чтоб самим свободными

статья. (В. Высоцкий)

мне и мир без тебя...

время не сможет ни вылечить, ни спасти —
только внушить нам иллюзию дня и ночи.
ты говоришь, что мне рано ещё грустить,
я говорю, что случилось грустить досрочно.

время – лишь счетчик минут, обещаний, встреч...
в сущности – мы назначаем друг другу сроки,
ты говоришь, что не хочешь меня обжечь,
я говорю, что твои не страшны ожоги.

вот и зима на пороге, и новый круг
замкнут не нами, а теми, кто в нас не верит.
ты говоришь, что пора улетать на юг,
я говорю, что со мной ты теряешь время.

так и живём, разрывая календари...
время нам мстит, ибо «здесь и сейчас» нарушив,
ты говоришь – будут новые январы...
я говорю – мне и мир без тебя...
не нужен...

Закрываю глаза и шепчу...

У меня – тёплый вечер, коты и сплин,
Бьётся осень в окно как птица.
Закрываю глаза и шепчу: «Аминь.»
Да поможет мне Бог... смириться.

Да помогут тебе все дожди, ветра,
Все небесно-земные силы
Не познать одиночества, октября,
И осенней хандры, дождливой.

У меня – постоянство, скелет в шкафу,
Томик Бродского, плед и кресло.
А октябрь роняет всю ночь листву,
Да поможет мне Бог... воскреснуть.

Да помогут тебе не сойти с пути
Все светила в огромном небе.
Осыпая октябрьским конфетти,
Вместо пепла, дороги эти.

У меня – листопад, и лишь ты один
На душе, за печалью книжной.
Закрываю глаза и шепчу: «Аминь.»
Да поможет тебе Всевышний...

Так или иначе...

Судьба связала хитрые узлы.
А может просто стала я другая?
Но всё, что я любила, догорая,
Рассыпалось частичками золы.
Остались в небе наши журавли,
А мы синиц не выпустим из клеток.
Судьба навяжет шапочек, пинеток,
А время пролистает февральи.
Мы будем зимовать из года в год
Под крышами высоких серых зданий.
И тайно любоваться журавлями,
Устав от рук и прочих несвобод.
Судьба всё так же вяжет и прядёт,
Укутывая шарфами надежды,
Но мы мечтаем снять с себя одежды,
Как будто оперение не в счёт.
А может просто стала я собой?
Но так или иначе – несмышлёной,
Забывтой богом, им же – не прощённой
За свой полёт, небесно-голубой.
Судьба подарит свитер шерстяной.
Под ним, в груди, от глаз чужих, я спрячу
Свою печаль, но так или иначе —
Останусь птицей чьей-нибудь ручной.

Мы молимся иконам и ночам

Мы молимся иконам и ночам,
И носим украшением на шее
Объятья нелюбимых, как трофеи,
И бусики с осколками сердец.

Но, дрожью, чьи-то руки – по плечам,
А губы – лепестками орхидеи,
Когда душа сжимается и млеет,
Как только что родившийся птенец.

И мы до неприличия честны,
А мы до невесомости крылаты.
Нам хочется нырнуть в приборой закатов,
И высыпать из всех часов песок.

Объятья нелюбимых так длинны!
И сдавливают горло, как канаты,
Но чьи-то руки, искренни и святы
Их рубят, как наточенный клинок.

Мы молимся иконам и ночам,
И пьём до дна вино чужих предательств.
И больно в сердце – пули доказательств
Того, что не могли никак принять.

Но даже нас – однажды приручат,
Стерев с души запреты и печати.
Руками безупречной благодати
Прижмут, согреют и освободят.

Я всем скажу...

Я всем скажу, что ты не виноват —
ни в том, что я пишу строкой, как в прозе,
ни в том, что листопады в эту осень,
в стихах моих, унынием грешат...
Я всем скажу, что ты не виноват.

Я всем скажу, что я мертва для чувств,
как этот город мёртв для нас обоих.
И, памятью, он нас в себе покоит,
запомнив наши письма наизусть...
Я всем скажу, что я мертва для чувств.

Но в эту осень будет нам тепло —
моя любовь тебе дарует силы.
Я всем скажу, что я тебя любила,
люблю и буду – искренне, светло.
И в эту осень будет нам тепло.

Но если спросят, был ли ты моим,
признаюсь честно – нет, нас было двое,
добавив вдруг, что этого ты стоил,
в реальности моей неповторим...
И никогда не будешь ты моим.

Я всем скажу, что ты почти что свят —
не для небес, а для меня, хотя бы.

И в том, что я – душевно стала слабой,
ты тоже ни на миг не виноват...

Я всем скажу что ты, как ангел – свят.

Осени...

Остыл рассвет. Ночлега просят листья,
Врываясь вместе с ветром в тихий дом,
И терпко пахнет грустью и костром,
А скоро и асфальт засеребрится,
Покрывшись леденелым полотном.

Простыл закат. Пустеют птичьи гнёзда,
И, жаждущие света и тепла,
Спешат друг к другу души и тела,
В порыве, что невнятен, неосознан,
Но так взаимен в поисках крыла.

Притихла ночь. И окна, обречённо,
Пораньше погасили жёлтый свет.
Лишь осени бездомный силуэт
По улицам блуждает отрешённо,
Дождём смывая свой багровый след.

Пошёл отсчёт – от первого тумана
До первой хриплой песни декабря,
И день за днём, в плену календаря,
Пронесются поспешным балаганом,
Нас к осени живьём приговоря.

А ночь сомкнёт усталые глаза

А ночь сомкнёт усталые глаза,
Вернув нас в быт привычно-серых комнат,
Которые молчат, но всё же помнят,
Как в них парили наши голоса,
Задерживаясь эхом в тонких стенах,
Как золотом блестели образа,
Как нас, нагих, застав в постельных сценах,
Лихой рассвет замедлила гроза.
И снова утро счастье украдёт,
Войдёт бесцеремонно в наше небо,
И, капелькой дешевого плацебо,
По нашим венам нежность разольёт,
Бесплотную, желанную как чудо,
Объятые теплым, как живой оплот.

И руки станут символом приюта
Для наших одиноких душ-сирот.

Не изменяй

Не изменяй, не изменяйся...
Измен зима нам не простит.
Наш перемено-дефицит
Не излечить ни сном, ни спайсом...
Не изменяй, не изменяйся,
Январь не нам принадлежит.

И там, где камнем постоянство
Легло на дно твоей души,
Не изменяйся, не греши...
Зима, в своём немом убранстве,
Поёт нам рок, читает стансы,
И ветром в окнах дребезжит.

Не изменяй своим привычкам,
Всё предсказуемо зимой.
И то, что ты сейчас со мной,
Со мной – в бесчувственных кавычках —
Приказ зимы-меланхолички,
Её «больничный», типовой...

Как будто бы она решила
Меня пока не огорчать...
Мне снова велено молчать

О том, кого до слёз любила...

Виват, зима! Как это мило-
Измен его не замечать.

МЫ СПАСЕНЫ

с каждым приходом твоим – всё короче сны,
руки доверчивей, а поцелуи – ниже...
всё, в чём сегодня ко мне справедлив Всевышний —
то, что он слеп, это значит, мы спасены.

с каждым признанием – вера ещё сильней...
нет, не в красивую сказку с тобой до гроба,
вера в того, кто на мне отпечатал пробу,
будто бы знак своих преданных дочерей,

и, нерадивую, выгнал с небес сюда,
прямо к тебе – попрощаться с собой и верой...
каждый приход твой – как стрелка секундомера,
час как минута, а вечность – как никогда.

руки доверчивей, время-песок, а мы
причемся вновь в искаленную реальность...
как же он сводит нас – чётко, но так случайно...
слеп, но всё видит, а значит...
мы спасены.

Целую твою ладонь

Знаешь, есть те, кто пойдет за тебя в огонь,
даже если он адом зовется, и будет вечен...
Я по-детски смеюсь и целую твою ладонь,
только в мыслях – бросаюсь тебе на плечи,
и как будто прошу – не zapomни в себе мой след
Хорошо, что ты даже не знаешь, какой здесь смысл...
А вокруг говорят, что ни рая ни ада нет,
есть лишь прочерк в ряду из случайностей, дат и чисел.
Знаешь, есть те, кто простит тебе даже то,
что прощать невозможно, и в чём-то грешно, отчасти...
Но улыбка моя – поцелуем в твою ладонь,
только мысленно – лезвие правды в свое запястье.
И как будто дышать прекращаю, когда тебя нет со мной,
но за каждую слабость свою я сполна отвечу...
Если в здравом начале я кончу за упокой,
где ты будешь, скажи?
Я останусь с тобой навечно.

К чёрту Париж...

А теперь сиди дома, расти детей и сажай цветы, забудь о Париже, об Альпах, о белых ночах на Невском, натирай свою жизнь, как хрустальный кувшин, до блеска, правильной будь, педантичной до тошноты, изучай кулинарные книги, вари борщи, стань неизменной владычицей серых будней, дом свой поставь на окраине и безлюдье, и заведи календарик – для годовщин. Разве не так ты хотела – стабильны уют и быт. Осень в Париже – да брось, у тебя ведь теперь есть лето, сад-огород, и до следующего декрета – время очухаться и погасить кредит, время найти здесь себя, и к чертям мечты – глупая слабость обшарпанной домохозяйки. Вот и все счастье – в потрепанной жизнью майке, в зеркало чаще смотришь – в нём давно не ты.

Ты – по брусчатке проспекта босая идешь домой, где одиночество – точка твоей опоры... В Питере поздний июнь закрывает шторы, налюбовавшись влюбленной в себя Невой. Кошка свернется калачиком на руках, утром такси, самолёты, аэропорты...

Доброе утро, Париж и осенние натюрморты, солнце лежит на румяных твоих щеках.

Утро и кофе – привычка под старость лет... Пятая кошка уже, коротки ведь кошачьи жизни. Питер который рассвет под туманом киснет, ты вспоминаешь несбывшийся свой де-

крет, кучу кредитов, и сад где цветет весна... К черту Париж и квартиру на старом Невском, лучше на окна прозрачные занавески, чем этот вечный июнь, где совсем одна.

Я не нарочно

Дым коромыслом – стихами снимаю стресс,
Грифель ломаю, бросаю окурки в окна...
Сколько таких, кто всерьез этим миром чокнут,
Странных в своей сумасшедшести, поэтесс?

Кто-то ведь выдумал рифмой крошить бетон
Душ человеческих, резать их по живому...
Я не нарочно. Болезнь и её симптомы
Не превозмог мой рифмованный лексикон.

Вижу в окне не фонарь – а светило, снег,
Сотнями льдин разбивающийся о землю...
Внутренний мир мой молчания не приемлет,
Не прекращаясь под тяжестью сонных век.

Вот и пытаюсь найти здесь свой здравый смысл —
Здесь, в этой кухне, и с очередной затяжкой
Я представляю смирительную рубашку,
Будто возможность самой от себя спастись.

В единственном слове...

Выразить это возможно одним лишь словом – все эти кляксы на прошлом, душевный мусор, весь этот груз в под-реберье – тугой, свинцовый. Дождь с неба льётся – там боги открыли шлюзы, думают – это поможет. Не помогает.

Всё неизбежно – декабрь, тоска, дороги, город в дожде, уходящие в ночь трамваи. Смейся, терпи, умирай и не жди подмоги, только скажи это так, чтобы всем понятно. Так, чтобы в слове одном – все ночные слёзы, раны из самого сердца, ожоги, пятна.

Небо искрится – там боги сажают розы. Дождь-не помеха ни нам, ни ночным трамваям... Всё неизбежно, бессмысленно, бесконтрольно...

В этот промокший декабрь, себя теряя, вырази это в единственном слове —
больно...

Крылья

Нам с тобой свои крылья беречь пора —
Не семнадцать уже, да и небо сегодня колко.
Подари мне на память свою футболку —
Буду носить... вчера.

А крыло, пробиваясь из под ребра,
Рвется к небу, дрожит, и пятно на спине, как метка.
Не помогут ни травы, ни знахари, ни таблетки —
Лишь огрызок земли, полметра на полтора.

Посиди со мной, видишь, сегодня земля сыра,
Пропитавшись чернильными реками из-под майки.
И парят за спиной, разрывая хрящи и спайки,
Эти крылья, как веера...

Подари мне перо своего крыла —
Я пришью к своему, ты расстешься со мной, а небо —
Где бы телом, душой и частицей меня ты не был,
Будет – щит тебе, купол, убежище и броня.

Слёзы богов

Дождь – это слёзы богов, и они горьки...
Гулок и сер, он целует невымытый город.
Только не хватит дождю ни воды, ни хлора,
Чтобы очистить его от следов тоски.
Загнанный ветром в продрогший под небом сквер,
Дождь прикасается к мерзлой земле руками,
Будто наполнена эта земля грехами.
Он умирает на ней, одинок и сер.
Дождь! Ты не призрак, ты – слёзы моих богов,
Выйди из сквера, ложись на мои ладони!
Будь же подобен свече, алтарю, иконе —
Благослови эти реки без берегов,
Грязь под ногами и этот сырой бетон...

Дождь улыбнулся и... кажется, мне приснился,
Слышно мне было, как он за меня молился,
Звонок и свят, превратясь в колокольный звон.

Не оставляй меня здесь...

Мой ангел-хранитель, наверное, глух и нем —
Кажется, нет его рядом. Но где он, с кем?
Небо похоже на сладкий тягучий джем —
Может мой ангел – бессовестный сладкоежка?
И там где, как вата, слипаются облака,
Пьёт он коктейль из младенческих слёз, пока
Я умираю от каждого сквозняка,
И выбираю – орёл или, всё же, решка...
А может, мой ангел нарочно спустился в ад —
Взять мне отсрочку и время вернуть назад?
Если ему повезёт обнулить закат,
Ночь станет жарче, а чувства – на градус выше...
Только бы там не столкнули его с моста
Веры, любви и надежды – в огонь, куда
Нет ни дороги, ни лестницы, ни плота,
И ни один светлый ангел ещё не выжил.
Звёзды сплетаются светом в живую сеть,
Будто хотят меня, вместо него, согреть —
Я предпочту здесь замёрзнуть и умереть,
Только бы снова взлететь с ним над старой башней.

Небо кипит свежесваренным киселём...
Сидя на облаке, мы его залпом пьём:
– Слушай, а хочешь мы вместе туда пойдём?

Не оставляй меня здесь, без тебя мне страшно...

В любовь не веришь...

В любовь не веришь, морочишь голову,
Проводишь пальцами вдоль бедра,
А напоследок, тепло и солоно,
Кусаешь губы мои, едва.

И вечер долог, а мне всё кажется,
Что мне не хватит и сотни лет
Понять, что это моё монашество
Продлится сроком в один рассвет.

А после – к чёрту свои приличия,
Как будто завтра – на эшафот.
И я боюсь, я боюсь, панически,
Впервые встретить с тобой восход.

С меня смеются мои же демоны,
Когда я пальцев твоих хочу.
Но вновь, читая тебя поэмами,
Я прижимаюсь щекой к плечу.

И свет врезается в нас, как лезвием,
Я понимаю – окончен срок.
Рассвет пылает внутри возмездием,
И я целую тебя в висок.

Но утро – ближе, тоской завещано,
И наши шансы равны нулю.
Ты, в этом мире, не нам обещанном,
В любовь не веришь. А я – люблю.

Сгорит июнь...

Сгорит июнь и выйдут сроки,
Падёт с небес рассвет багряный,
И мы, зализывая раны,
Найдём друг в друге свой приют —
Мы будем там, где нас поймут,
Простив заранее пороки,
И, заплетая нежность в строки,
На нас стихи свои прольют.

С закатом чувства канут в Лету,
Оставив в душах боль утраты,
Получат письма адресаты,
А в них – последние слова.
И будет новая глава,
В которой старые портреты
Мы сохраним как раритеты,
Из сердца вынув их едва.

Сгорит июнь, и станет тихо,
Так тихо, будто звуки мира
Оставят нас одних в квартирах,
Наедине с глухим окном.
Но будем помнить мы о том,
Что, всё же, есть какой-то выход,

И наша маленькая прихоть —
Любить – забудется потом.

И станем мы светлей, чем звёзды,
Устав скорбеть о днях туманных,
Со слов молитвы покаянной
Начав писать свой чистый лист.
И смело – в путь, в другую жизнь,
Где каждый – друг для друга создан,
Где мы нужны, как свет и воздух,
Нужны как самый главный смысл.

Если есть ад...

нет равнодуший безжалостней твоего...
если есть ад, то он здесь – под ребром, как язва.
хрупкие женские стали моим каркасом,
только дрожат под объёмным воротником.
нет, я держусь, уверяю тебя – держусь.
ты говоришь, тараканы мои достали...
только они, в голове у меня – стихами —
не тараканы, а шайка нетрезвых муз.
только обычно, когда ты выходишь в дверь,
я начинаю назло выходить из окон.
нет равнодуший острее разбитых стёкол...
если есть ад, ты попробуй его измерь
битым стеклом, километрами всех орбит,
даже своим равнодушием, необъятным...
кутаю хрупкие женские в плед заката —
в незастекленном аду – под ребром сквозит...

Зима нас приказала брать живьём

Зима нас приказала взять живьём...
На дне души спрессованы обиды,
И хочется засыпать стрептоцидом
Всё то, что кровоточит февралём.
Рассвет, сорвавшись с неба на балкон,
Внушает мне, что жизнь во всём прекрасна,
И новый день, светло и громогласно,
Сквозь форточки, врывается в мой дом.
И всё спешит – родиться, умереть,
Оставив, после, горсть воспоминаний,
А я всё жду того, что будет с нами,
Чтоб со спокойной совестью стареть.
Зима нас приказала остудить
Бессмысленным отсутствием друг друга.
И нас расставив – каждого в свой угол,
Не думает куда-нибудь спешить.
Закат ручьём стекает за балкон,
И день, неслышно, в небе умирает,
А ночь во мне тоской произрастает,
Как будто прорезаясь сквозь бетон.
Зима нас приказала брать живьём,
Разняв, февральским ветром, наши руки.
И мы сдались. Сердечные недуги
В нас больно кровоточат февралём.

моя Москва и твой Берлин

Под мелкие дожди, весна в Берлине,
И ситцевое небо – в лоскуты.
Весна в Москве. И сумерки густы,
Но свод небес ещё прозрачно-синий.
Как пледом, ночь, укроет наши спины,
И высушит промокшие зонты.

Апрель в пути. А мы – стихами живы,
Не веря в расстояния Земли.
Ветра на небо тучи сволокли —
Столицы наши серы и дождливы.
А там, где мы – дороги и обрывы —
Пути, мостами, к ночи развели.

Накинув серый плащ, Берлин – в тумане.
Москва – в огнях. Но что нам до столиц,
Когда так много жизненных страниц
Исписано весенними дождями?
Когда приходишь ты ко мне стихами,
Водой стекает ночь с моих ресниц.

И, кажется, весна – не только в мире,
Но даже в сердце, как адреналин.
И танцы звёзд – небесных балерин,

Я вижу из окна своей квартиры.
Весна определила ориентиры.
Они – моя Москва и твой Берлин.

А небо было моей плацентой...

А помнишь бантики и чулочки,
Стихи, пощёчины и мурашки,
Как отдавалась тебе, до строчки,
И как курила тебя, взятяжку.
А ты меня приобрёл в рассрочку,
Живую куклу, в коробке с лентой,
А небо было моей плацентой,
А утро было моей сорочкой.

А помнишь клевер в траве росистой,
А после – грустный осенний морок,
Как умирали под снегом листья
И как вороны галдели хором,
Как я промокла с тобой, до выси,
Как простудилась тобой, до клетки,
А ты меня проиграл в рулетку,
И разметал по земле, как бисер.

А помнишь простынь под цвет заката,
Часы с кукушкой, в углу – одежду,
Как разливалась, тепло и свято,
Волной блаженства по телу, нежность,
Как я бывала с тобой крылата,
И как я с небом своим рассталась...

Я за бесценок тебе досталась,
Прошу, не помни, как я рождалась.

Всего лишь сон

Если по факту, бывшее – всего лишь сон. Кто-то из нас был надёжно забыт (спасён). Странно, но в ванной я вижу его лосьон – мелочь, казалось бы, только совсем не кстати... Вот зажигалка – на кухне, он здесь курил, в спальне – постель, что активно со мной делил, но, убеждая себя из последних сил в том, что всё – сон, согреваюсь в его халате. Жалость к себе – это самый опасный враг. Я разжигаю несбыточный наш очаг, только проснуться – я снова – не знаю как, всё ожидая внезапных шагов за дверью. В каждом предмете я вижу незримый след. Странно, но к завтраку жарю себе омлет. Если учесть, что привычки такой и нет – есть по утрам, это всё – глупый сон, наверно. Кажется, даже в немом безразличье стен слышится голос, и звуки постельных сцен... Глупый мой сон – самой жизни теперь взамен, только молось – поскорее бы мне очнуться. Так, чтобы впредь не страдать от бесцельных грёз, преодолев свой – не сон, а скорей – гипноз. Что не срослось – не срастётся. Но вот вопрос – если не спать, как в реальности не свихнуться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.